

Александр АГЕЕВ

www.ageev.net | DOI: 10.33917/es-1.199.2025.4-5

Истина как проблема науки

У научной деятельности много предназначений: исследования, экспертизы, поддержка решений, научное руководство проектами, самоорганизация и т.п. Но главное в науке — неустанный поиск истины в пространстве и времени неведомого, расширение границ и глубин знания, выдвижение, доказательство и опровержение гипотез. Для этого ищут новые методы, средства, аксиомы и парадигмы познания. На этом пути неизбежны ошибки, но вектор усилий очевиден.

Ученые и институции науки никогда не существовали в башнях из слоновой кости, рядом с кастальскими ключами вдохновения, на волшебных горах или в садах познания, чтобы, иногда спускаясь к людям, в невежественные аудитории, делиться открытиями. Отнюдь. Заказчики до появления академий наук бывали и капризны, и глупы не в меру, и жестоки без оснований. Вспомним Томоцеуса, велевшего отрезать язык рабу Дюдю за его улыбку, в свое оправдание объяснившему тирану, что «мысль пришла». До сих пор кровоточат раны научной общественности не в одной только России, когда вспоминают имена Н.И. Вавилова, Н.Д. Кондратьева или изгнанников «Философского парохода». До сих пор исследуются сюжеты из серии «гении и злодеи» науки. Да и не надо так далеко ходить, достаточно вспомнить судьбу науки в 1990-е и далее, впрочем, неотделимую от судьбы всей страны. Численность научных работников после распада СССР сократилась вдвое.

В итоге сложилось вполне объяснимое отношение к науке как к жертве последних времен, а к ученым — двойное. С одной стороны, как к удивительной когорте служителей истины несмотря ни на что и вопреки всему. С другой — как к кому-то, кто вызывает вполне понятное смешанное чувство уважения и любопытства: молодцы, что выжили, но возникает законный вопрос: каким образом?

При этом главный заказчик научных исследований — государство — проявляет сейчас растущее внимание к заботам и запросам науки, разумеет-

ся, исходя из собственных потребностей и осознания того факта, что вновь возрастает роль научного знания в сложной международной обстановке. Наиболее зримым признаком изменения роли и статуса науки выступает возвращение в ведение РАН части функционала, утраченного в результате «реформ», олицетворяемых ФАНО. После 8 февраля 2024 года, когда прошли торжественные юбилейные мероприятия, в РАН возвращается ВАК, экспертиза едва ли не всех создаваемых, и не только в РАН, научных знаний, формируется Попечительский совет во главе с Президентом РФ и др. Это, несомненно, движение в позитивном направлении.

Однако такие большие организмы, каким является академическое сообщество, живут не только повинаясь требованиям времени и вышестоящих инстанций, но и в соответствии с законами самоорганизации. В этом, между прочим, важнейший секрет жизнестойкости Академии наук в стране, периодически меняющей свои флаги: от Империи до СССР и РФ. И в способе взаимодействия с властью, и в формах самоорганизации нет полного соответствия модельным эталонам. Как и всякий организм, академическое сообщество может по мере эволюции совершать и накапливать ошибки. Но если в целом сохраняется изначальный принцип системы, то организм справляется с болезнями сам и, даже отклоняясь от норм права или академической этики, вновь и вновь возвращается к сутевому формату науки.

Каков изначальный принцип науки и академии как социального института? Истина! — как бы пафосно это ни звучало. Научное знание возникает на грани известного и неизвестного, отвоевываемая у Вселенной плацдармы неизвестности и распредмечивая ее тайны. Для этого необходимо (а) узнать, изучить, что человечество уже раскрыло до тебя, (б) уметь выбрать область незнания, которую собираешься штурмовать, и (в) иметь надлежащую квалификацию, потому и называемую «высшей», чтобы сформировать гипотезы, проверить их, доказать или опровергнуть. Но во всех случаях критерий — либо истина, понимаемая как соответствие правилам умозаключения, либо практика как критерий истины.

Как социальный кластер наука эволюционирует исходя из следования доминирующим ценностям, главная из которых для нее — истина. Поиск истины неизбежно происходит сложным образом. Совсем по-пушкински:

*О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт, сын ошибок трудных,
И Гений, парадоксов друг,
И Случай, бог изобретатель.*

Истина и ее поиск — параметр порядка в научном сообществе, его основополагающий принцип.

Тем не менее наука, будучи особым социумом, погружена в большой социум («человейник»). Да и одну и ту же истину можно искать разными методами, через выдвижение разных гипотез, факты подлежат интерпретации и т.д. Исходя из этого, конфликтность является встроенным свойством научного поиска и научной жизни. Поэтому, как и в других кластерах, в науке возникает особая этика как регулятор человеческих взаимоотношений. Поэтому, как и на другие сообщества, на науку простирается управляющая длань государства и его правовой порядок. Более того, наука относится к той сфере социума, где риск отклонений от правопорядка повышенный хотя бы потому, что она всегда на грани неведомого, которое, по определению, вполне вероятно бросает вызов устоявшимся представлениям. Возникновение и слом парадигм не случайно одна из самых таинственных областей эволюции науки. Кроме того, в науку, по определению, притягиваются смысленные люди. Это также при прочих равных условиях повышает риск диссидентии. Условно предполагается, что здесь видят суть вещей глубже, дальше, обоснованнее. Потому-то и сказано другим поэтом: «гвозди ему в руки, чтоб чего не сотворил, чтоб не писал и чтобы меньше думал...»

Все эти риски преодолеваются либо через высокий уровень социальной ответственности, самоуправления и относительной автономии научного сообщества, либо через усиление внешнего управления. Реформа РАН, ассоциируемая с торжеством ФАНО, и стала таким внешним способом «навести порядок» в научном сообществе. В рамках этой реформы появился институт выборов директоров научных организаций и принцип «двух ключей» управления. Получилось «как всегда», когда хотели «как лучше». Одним из патологических результатов «реформы РАН» стала возможность для умных, но пронырливых людей, управляющих «ненаучной стороной» научных организаций, выстраивать то, что когда-то называли «групповщиной», со всем шлейфом обеспечивающих ее правонарушений и злоупотреблений. Вот и получается: выжить-то выжили, но какой ценой? Если ушли истина как критерий и законность как принцип, то каким образом наука осталась? И наука ли это?

P.S. Разумеется, речь идет о том, что «кое-где» «кое-кто» «порой»... Всякие ассоциации с реальными историями и персонажами — плод случайных совпадений. ■